

Посвящается Андрею

О, не узнавай, кто ты!

Софокл

I

ВОСПОМИНАНИЯ

ДНЕВНИК СЛОВ

Я его потеряла. Маленькой девочкой я писала в нем каждый день. Записывала не только сны. Вообще все, что приходило в голову. А потом однажды, после одного из многочисленных переездов, он пропал. Исчез. Несколько месяцев я искала его повсюду. Перевернула все вверх дном, даже в мусоре порылась. Неужели я правда его потеряла? Или даже случайно выбросила? Во время поисков мне в руки попала свадебная фотография второго брака. Он оказался бездетным и со временем разрушился. Как же часто мне приходилось кочевать, разбивая палатку в новых местах. Одиноким караван. Я и я. И между нами — несколько мест. От расставания к расставанию я теряла себя, и все связи с семьей постепенно стерлись. Осталось лишь ничего. Ничего и несколько пустых чемоданов.

Воспоминания из поздних пятидесятых. Наша с Ушкой игра, развлечение для детей, которое становилось все серьезнее. Одна из нас бросала какое-нибудь слово, другая подхватывала, продолжая нить. Начинала чаще всего моя подруга Ушка.

МОЯ ДОРОГАЯ АДА

- Путешествия.
- Париж.
- Лондон.
- Рим.
- Нью-Йорк.
- Чем займешься в Нью-Йорке?
- Буду играть, пойду в актерскую школу, нет, полгода... В школу моделей.
- Такая есть?
- Не знаю. Дальше. Давай, Ада, быстрее, не засыпай.
- Что?
- Чем ты хочешь заниматься?
- Не знаю.
- Неважно, скажи что-нибудь.
- Красивыми вещами.
- Красивыми вещами?
- Да, возможно, модой. Какая-нибудь работа с людьми. Я могла бы моделировать тебе платья.
- Дизайнер?
- А у меня получится? Я же не умею рисовать.
- Человек может все, что захочет.
- Все?
- Все. Итак. Чего ты хочешь?
- Мужа.
- Господи, какая тоска. Они появляются сами по себе. Хотеть не нужно.
- Путешествовать. Везде. В места, где еще никто не бывал. Есть такие?
- Определенно.

Мы проводили так целые вечера, прыгая с ветки на ветку, а вокруг тем временем вытягивались дома. Берлин стремительно разрастался, серый и уродливый.

Возникало ли в пятидесятые чувство, будто чего-то не хватает? Что происходило в той сказочной стране? *Майский жук, лети. Отец — на войне. Мать — в Померании. А Померания — в огне. Майский жук, лети*¹.

Майские жуки летали при любых обстоятельствах. Даже моя мать напевала эту песенку во время уборки. Мы словно шли по мосту и сами того не замечали. Куда? В прошлое? Думаю, прошлого у нас не было. Во всяком случае, все пытались создать именно такое впечатление. Взрослые говорили о нулевом часе. *Tabula rasa*². Не *после нас хоть потоп*, нет, это мы пришли после потопа. Мы выросли среди оставленных нам руин. Большинство этого даже не замечало, потому что не представляло иной жизни. Но я это видела, хоть и не понимала, потому что приехала из Буэнос-Айреса, где не было воронок от взрывов. Там солнце плясало над крышами неповрежденных домов. Германия устала. Она пахла разложением и смертью. Народ молча отстраивал страну заново. Словно она возникала из ничего. Словно до нулевого часа здесь вообще не существовало жизни. Даже майский жук из песни освободился от воспоминаний и отбивал своими крылышками ритм будущего. Никто не говорил. Все делали вид, будто ничего не было. Но тупой страх, что это может повториться вновь, напоминал: что-то все же произошло. Этот страх стал нашим приданным. Мы таскали его с собой в поисках отдушины. Но уплотнители сломались. То, что кипело внутри, вылетело однажды наружу и разлетелось во все стороны.

¹ «Майский жук, лети» — немецкая народная песня.

² Дословно — чистый лист (*лат.*).

ЛОЖНЫЙ УХОД

Когда наконец снова увидела брата, он был на сцене. Он стоял наверху, я сидела внизу. Шекспир, «Мера за меру». Название подходящее. День тоже, хотя я еще об этом не знала, когда читала в программке актерский состав. Было 9 ноября 1989 года.

Когда он появился, меня испугали покрашенные в соломенный цвет волосы. Он стал похож на нашу мать? Стал актером, чтобы прятаться за бесчисленными масками? Как она скрывалась за париками, постоянно меняя цвета? Мы не виделись пять лет. Пять. Это долго. Он постарел. Я, наверное, тоже, но мы предпочитаем замечать эту истину на лицах других людей. В общем, он стоял на голове и бил ногами по воздуху. Зрители хлопали и орали — они твердо решили развлечься.

Мне недавно исполнилось сорок четыре, и, вопреки семейной традиции, я бываю в театре нечасто. Меня вообще не сильно интересует вся эта культурная шумиха. Я отсутствующим взглядом пялилась на сцену.

Впереди, с края, сидел толстый маленький актер, чье узкое лицо и лысеющая голова напомнили мне отца. Он выдал какую-то злободневную политическую шут-

ку. Потом встал, сделал несколько шагов вглубь сцены, на мгновение остановился и после неожиданной, многозначительной паузы вновь повернулся к публике. Позднее я узнала, что актеры называют это «ложный уход» — прием позволяет привлечь больше внимания к последующей реплике.

— Дамы и господа... Дорогие зрители... Границы открыты.

Никто не отреагировал.

— Это не шутка, дорогие зрители... Дамы... Господа... Стена... Стена пала... Об этом только что сообщили по телевизору.

«По телевизору, ну просто умооора!» — воскликнула бы сейчас моя мать, если бы сидела рядом, но ее не было. На мгновение мне показалось, что я даже скучаю. Все изменилось в день, когда я во второй раз вышла замуж. Моя первая свадьба была в семидесятых — ошибка, короткая и безболезненная, словно облачко на горизонте. А потом дешевые часы «Чибо» стали стартовым сигналом к нескончаемому расколу и постоянному росту ветхозаветной силы. Это было пять лет назад, и стена пересекала наш город уже двадцать восемь лет. Когда девятилетней девочкой я впервые неуверенно ступила на эту землю, отвыкнув от твердой почвы за три недели плавания из Буэнос-Айреса, Берлин был еще не разделен, но уже разорван. Отечества нет. Не об этом ли мы молчали последние пять лет? В тишине раздали неуверенные аплодисменты. Похоже, люди начали осознавать. Стена пала.

После спектакля я с гулко бьющимся сердцем пошла искать проход за кулисы. Это напомнило мне о служебных и черных ходах в разных отелях по всему миру, где я работала, пока не пришла к нынешнему занятию.

Я прошла мимо шлагбаума, пересекла парковку и едва успела отскочить в сторону, чтобы меня не переехал белый «Мерседес», промчавшийся мимо. Не успев до конца прийти в себя, я сделала несколько шагов к застекленной будке сторожа. Я терпеливо ждала брата среди нескольких робких фигур. Я старше и должна сделать первый шаг, это моя обязанность перед собой и перед нашей историей.

— Он давно уехал. Судя по тому, как долго вы здесь стоите, вы должны были его встретить. Белый «Мерседес», 124-й. Вечно гоняет как оглашенный.

Как отец, подумала я. Возможно, я его не узнала, потому что он был в шляпе или в кепке. Тоже как отец. Все в нем напоминало моего, нашего отца. Возможно, именно поэтому я так тяжело переносила его присутствие? По одному я тосковала, а другой застал врасплох? И оба разочаровали? Снова упущенная возможность?

— Не знаете, куда он поехал?

— Я сторож или нянька?

Как я люблю берлинское дружелюбие. Сразу становится ясно, где ты находишься и к тому же получаешь бесплатный урок.

— Да не расстраивайтесь вы так. Он там, где все остальные.

— Где же?

— Дитя мое, вы что, ослепли?

Он показал на экран маленького телевизора, висевшего у него над головой. Я уставилась на мелькающие кадры. Люди на Берлинской стене! Из выпускавших голубоватую дымку «Трабантов» сверкали глаза. Оглушительный стук, крики, ликующие возгласы. Пограничный пункт на Инвалиденштрассе. Мне нужно туда.

— Меня уже давно никто не называет дитя, — сказала я и спрыгнула с лестницы, задаваясь вопросом, сияют ли и мои глаза.

Было свежо. Даже холодно. Очень холодно. Я тряслась, сидя в такси.

— Девушка, вы чего дрожите?

От дитя к девушке — интересно, что еще готовит мне нынешний вечер. Худощавый водитель угрюмо отыскал в зеркале заднего вида мое лицо. Наши взгляды ненадолго встретились, а потом я увидела в соседней машине взволнованно жестикулирующую парочку. За ними сидели две подруги. Все весело болтали, словно ехали на рок-концерт.

— Господи, не, ну каков театр. Как бы мою колымагу не поцарапали.

У меня не возникло вопроса, родился ли он в этом городе. Мой отец тоже был настоящим берлинцем. Когда мы приехали из Аргентины, я не понимала этого странного бормотания. Отец пытался говорить на литературном немецком. Ради него я отказалась от родного языка и выучила немецкий на новой родине.

— Даже не верится! Рассказать, как я перемахнул, в смысле перебрался через границу? Вы-то сами небось из Вессиланда.

— Вы имеете в виду Западный Берлин?

— Западный Берлин? Верно. Не, тут просто Берлин, Западного Берлина не существует, так говорят только зонис.

— Кто?

— Ну, зонис, из Восточной зоны. Да, вы точно из Вессиланда, с Запада, сразу ясно. Даже по одежде. Я тогда постараюсь выразаться литературнее, чтобы вы лучше поняли.